

Парикмахеры и цирюльники в конце XVIII -XIX веке. Мода на прически.

На протяжении долгого времени парикмахеров в России, как таковых не было. В допетровское время верили, что человек создан по подобию Божьему; а без бород и в «иноземном платье» на иконах изображали «бесов». Бритьё начинает входить в обычай лишь после преобразований Петра I и, в частности, после его указа 1698 года об обязательном бритье бород для горожан. Все, наверное, помнят: освобождались от следования новшеству только церковные иерархи; крестьяне могли не брить бород, но всякий раз при въезде в город и выезде из него должны были платить по копейке. Купцы и дворяне право ношения бороды могли купить, уплачивая в год по 100 и 60 рублей соответственно. Однако, столь высокий налог многих заставил преобразиться. Тем не менее, сведений о цирюльниках и парикмахерах первой половины XVIII века довольно мало. Известно, что при Петре I, ещё до сооружения СПб, в Москве была только одна «уборщица женских волос», так что, когда к какому-нибудь торжеству или балу дамам нужно было причесаться по бальному, к ней выстраивалась очередь; иная причесанная за три дня до бала должна была спать сидя, чтобы причёску не испортить. Современного понятия «парикмахерская» в первой половине XVIII века не существовало. Богатые люди в Петербурге имели камердинеров, которые у них исполняли должность волосочесателей, а небогатые - призывали из парикмахерской лавки стричь себе голову. Большой популярностью в XVIII веке пользовались парики. Мужчины предпочитали т. н. «алонжевые» парики (от фр. - удлинение), доходившие порой до талии. Они создавали впечатление горделивой осанки и представительности. Женщины - сочетали различные модные накладные с собственными густыми волосами; такое сооружение покрывалось внушительным слоем пудры. Не случайно парикмахеров той поры называли «мерлан» - что значит: рыба, обваленная в муке. Пудру применяли разную: первоначально популярностью пользовалась белая, позднее стали использовать серую и палевую. Щеголиха надевала «пудер-мантиль» и держала длинную маску со стеклышками из слюды против глаз, парикмахер пудрил дульцем. Богатые для этих целей имели особые шкафы, внутри пустые: дама влезала в него, затворяла дверцы, и пудра нежно опускалась на голову. Провинциальные щеголихи, не всегда имевшие возможность прибегать к услугам опытного парикмахера, пользовались хитроумными приспособлениями своих крепостных. По мере того, как размеры женских причёсок увеличивались, поднимался в высоту и проволочный каркас, на который крепились фальшивые и свои локоны, перья, кружева. Вот как описывает Тургенев в романе «Дворянское гнездо» процесс создания модной «уборки» для волос: «Поставят тебе, рассказывала она в старости, войлочный шлык на голову, волосы все зачешут кверху, салом вымажут, мукой посыплют, железных булавок натыкают - не отмоешься потом, а в гости без пудры нельзя - обидятся». Подобную причёску не разбирали неделями. Помада и жир начинали издавать скверный запах. Воздух бальных зал, прогретый свечами, становился столь тяжёл, что без исключения мужчины и женщины, нюхали табак, предпочитая крепкие, грубые сорта. Долгое время парикмахерское и цирюльное ремесло существовали неразрывно. Парикмахеры были одновременно цирюльниками, фельдшерами, брили бороду и пускали кровь. С конца XVIII века цирюльники неизменно предлагали свои услуги в банях. Расхаживая по сторонам или сидя на своей табуретке, цирюльник весело, с прибаутками выкрикивал:

- А вот кого побрить, поголить, усы поправит, молодцем поставит!

Однако в XIX веке их функции были четко разграничены¹. К цирюльному мастерству относились следующие умения:

- пускать кровь ланцетом и шнепером;
- ставить пиявицы и унимать случающиеся после них кровотечения;
- ставить рожки;
- готовить и ставить обыкновенные промывательные;
- вынимать зубы;
- приставлять шпанские мушки и перевязывать легкие раны;
- прививать предохранительную оспу;
- брить бороду.

Последнее должны были уметь и парикмахеры. Кроме того, парикмахеры стригли и завивали волосы, готовили парики, локоны, накладные, усы, косы, бороды и бакенбарды.

---

¹ В дальнейшем цирюльники отделяться и станут фельдшерами

Число цирюльников и парикмахеров не ограничивалось. Каждый человек, по испытанию в мастерстве, мог открыть своё дело. Экзамен на звание цирюльника производился сперва в Физикате, а потом в городской больнице главным врачом. В Физикате испытуемый должен был объяснить словесно способ производства обозначенных операций и необходимые при них предосторожности. В больнице он должен был показать на деле свою ловкость в производстве всех процедур. Будущий парикмахер проходил испытание под контролем ремесленной управы: в течение 7 дней приготавливал мужской или женский парик, а затем демонстрировал свои умения стричь и завивать волосы, брить бороду. С документами об успешно пройденных испытаниях новоявленные цирюльники и парикмахеры отправлялись в Ремесленную Управу, где получали диплом о праве заниматься данным мастерством. С этого времени можно было открывать мастерскую² (максимум две) и приступать к работе, ежегодно возобновляя управные дозволения посредством уплаты определенных взносов. Если в Петербург приезжал мастер из другого города, известный своими умениями, имевший свидетельство о том своего начальства, то испытанию в СПб он не подвергался. Не запрещалось продавать и дарить устроенную мастерскую, сдавать её в наём. Передавать же мастерский диплом или управное дозволение было нельзя. Так, вдова содержателя заведения могла продолжать получать прибыль с парикмахерской или цирюльни, но лишь до тех пор, пока сама не занимается ремеслом³.

Согласно предписаниям, цирюльни и парикмахерские должны были содержаться в безукоризненной чистоте и опрятности, отбросы от стрижки и сор - немедленно удаляться и уничтожаться. Можно себе представить, в каком состоянии они были на самом деле, если в 1854 году в очередной инструкции говорилось: «Выметать отбросы и сор по углам и под мебель строго воспрещается». Зачастую не выполнялось и указание о необходимости вежливого обхождения мастеров с публикой и опрятности их внешнего вида. Белых халатов не надевали: не было принято. Мастера были в сюртуках или, позднее, в жакетах. Позволю себе привести любопытный отрывок из сочинения автора XIX века Ивана Чернокнижникова, иллюстрирующий образ традиционного петербургского цирюльника той поры. «Если б я имел талант того литератора, который описывал, как плывут глыбы льду на Москве-реке, я описал бы вид моей бороды на 4-й день после приближения к ней бритвы. Выбриться было бесполезно, и я спросил у Памфила, где у них бритвы.

- Заложены! - со смехом сказал хозяин.

- Да кто ж их взял под заклад?

- А здешний цирюльник. Разочти, как выгодна ему эта операция. Теперь он меня бреет в долг.

- Да где же цирюльник?

И мне указали на конец Новой Деревни. Я пошёл туда и скоро увидел изящную вывеску, на которой один щёголь в клетчатых панталонах с лампасами пускал кровь какому-то господину, а другой прицеливался бритвою к чей-то намыленной физиономии с таким видом, будто готовился сразу отхватить у жертвы своей нос. Через минуту я сидел уже у новодеревенского Фигаро; щеки мои были намылены, и нос мой страдал между двумя грязными пальцами брадобрея. В лавке сидели ещё цирюльница, помощник хозяина и намыленный человек с пунцовым носом. Все эти лица вели любопытный разговор.

- Так, так Иван Федорович, - говорил пунцовый нос, - продайте мне ваши бритвы; право, надоело ходить к Вам: после вашего мыла прыщи по физиономии так и гуляют.

- Не могу, лаконически отвечал цирюльник, нещадно нацарапывая мой подбородок».

Как видим, отзывы современников о цирюльнях не всегда были положительны.

Расцвет парикмахерского дела приходится на середину-конец XIX века. В это время законодателями мод становятся французы. Русские цирюльники, парикмахеры с их лавками и вывесками исчезают с лица не только Невского проспекта, но и с лица всех больших и главных петербургских улиц. Их ссылают на Петербургскую, Выборгскую стороны, в Коломну, на Бугорки, на Пески, в Гавань и в разные отдаленные улицы и глухие переулки. (Неслучайно цирюльня, в которой брился герой Чернокнижникова, располагалась в конце Новой Деревне, т. е. достаточно

---

² предварительно нужно было показать должностному лицу городской управы помещение, предполагаемое к открытию заведения и получить его положительный отзыв о его гигиеническом и санитарном состоянии

³ так как не состояла в парик-м или цир-ном цехе + не имела личного диплома.

далеко от центра). На Невском проспекте и около него поселились *messieurs* коаферы⁴ *de Paris*. (Всего на Невском проспекте в первой половине XIX века было 20 парикмахерских). Вот что вспоминает современник О.А. Пржецлавский о первых французских парикмахерских: «Приехавши в Петербург в 1822 году, я застал только одного, Гелио; впоследствии приехал еще Андрие. Через руки этих артистов проходили головы всех мужчин, которые хотели быть хорошо обстриженными, и всех дам, желавших иметь хорошую прическу. Артисты брали дорого: за стрижку 5 рублей, за дамскую прическу 15 рублей ассигнациями; оба нажили большие состояния. Теперь главные улицы города и даже Васильевского острова густо заселены французскими куаферами; их почти так много как кабаков. Предприимчивые французы с большой охотой открывали парикмахерские и в обеих столицах, и в провинциальных городах - благо спрос на их новомодные услуги не снижался. К тому же каждый светский сезон в Париже порождал очередной экстравагантный крик моды, следовать которому спешили даже в отдаленных уголках России. Из Европы выписывали парфюмированные парики, накладные волосы и модные журналы. Лучшие французские умельцы становились придворными парикмахерами, а владельцы самых дорогих парижских салонов - поставщиками императорского двора. Практика у француза в подмастерьях означала несомненную удачу, потому что перенимавшийся таким образом парижский шик затем всячески приветствовался и соответственно вознаграждался публикой. Окна своих парикмахерских французы украшали восковыми, вертящимися бюстами прелестных дам с модными прическами *a la moujik*, *a la russe*, *a la polka*, *a la fantaisie*. В газетах стали печатать объявления, в которых подчеркивалось искусство парикмахера и важность прически. К примеру: «Некоторые из парикмахеров унижают даже таланты великих живописцев насчёт своих талантов» или «Прическа есть самая необходимая часть туалета и как бы кто великолепно одет ни был, но если дурно причесан, то всё очарование костюма совершенно исчезнет». Здесь же при парикмахерских французы вели торговлю всевозможными средствами для волос, париками, гребнями и пудрой. Предлагая, в одном салоне, помаду для рращения волос и описывая её силу, коафер предостерегал публику, чтобы мазать голову и брать помаду не иначе, как в перчатках, без чего на ладонях могли в несколько минут вырасти густые волосы! Писатель-современник Егор Расторгуев оставил любопытные зарисовки⁵ особенностей обслуживания в иностранных парикмахерских: «В течении нескольких лет ввелось уже во всеобщее употребление, проходя по невоскому проспекту, заходить к этим артистам стричь свою голову. Многие даже выказывают явно, что их голова там убрана! Вы входите. Русский подмастерье, с ловкостью француза, берёт ножницы. Хозяина никогда не увидите, он, по уверению подмастерья, поехал к графу такому-то. Русский подмастерье берёт ножницы, вертит и стучит ими, как можно больше и громче, в три минуты отхватит кой-как ваши волосы. Если Вы завиваетесь, он кричит: «шипши», берёт их от мальчика, прижигает, а часто и отжигает вам волосы, и всё готово. Вы встаёте, уверенные, что убраны прекрасно. Если зеркало показывает, что причёска вовсе не к лицу, то мысль, что здесь магазин парижского художника вас утешает. Вы отдаёте деньги и уходите, не решаясь даже сознаться ни себе, ни другим, что обстрижены худо, а причёсаны ещё хуже и вовсе не к лицу!»

Рядом с иностранцами работали и русские парикмахеры. С целью привлечения клиентов, они часто давали своим заведениям французские названия - «Жан», «Мишель», «Базиль» или просто писали на вывеске «*Coiffeur Sidorow*» (в конце XIX века были введены правила об обязательном переводе всех надписей на уличных вывесках с иностранных языков на русский). Одновременно из Франции по особым заказам выписывали необходимые инструменты и аксессуары, там же нанимали двух-трех опытных мастеров. Парикмахерских было много, однако, большинство из них были небольшими, на 3-4 места, оборудование простое. Заведения, отличавшиеся чистотой и хорошим оборудованием располагались ближе к центру, на Невском. Что касается прейскуранта: стрижка - от 10 до 20 копеек, бритьё - от 5 до 10 копеек, завивка - от 20 до 50 копеек. Ловкие и общительные парикмахеры во время сеанса передавали клиенту последние сплетни, были поверенными чужих тайн и не упускали случая проверить собственные дела, имея исключительную возможность контакта с влиятельными лицами. Дамский парикмахер отличался от мужского в основном видом и обхождением, а также «знанием» французского языка, приобретенного самостоятельно. В середине -

---

⁴ артисты головных уборов

⁵ 1846 год

конце XIX века женщины предпочитали носить пышные прически. Под волосы не очень густые подкладывались волосяные валики. Волосы укладывались в прическу либо на темени, либо на затылке, смотря по фасону, скреплялись шпильками. Также для украшения прически употреблялись различные пряжки, нитки из фальшивых драгоценных камней. В особых случаях - на балы и свадьбы- волосы посыпались золотой или серебряной пудрой. В конце века принято было завивать волосы. Дамские парикмахеры с утра до вечера дышали паленым волосом, поскольку завивка выполнялась горячими щипцами. Мастер с ловкостью действовал этим инструментом. Быстрота была необходима, чтобы одним нагревом щипцов сделать больше локонов. Однако уже к концу XIX века каждая женщина или девица имела щипцы дома, и могла обходиться без помощи парикмахера. Для создания локонов щипцы нагревали примитивным способом, опуская внутрь стекла горячей керосиновой лампы. Эффект современного лака для волос заменяли сладкий чай или квас.

Молодые мужчины носили разного вида проборы: то сбоку, то посередине, причем и по затылку, почти до самой шеи, что придавало фатовый вид. Некоторые зачесывали волосы свободной волной назад, другие носили с зачесом на лоб. Были популярны бакенбарды и усы. Усы носили «в кольцо», «щеточкой», острые, прямые, а ля Вильгельм, пушистые, сливающиеся с бородой. Брили все лицо только артисты и англomаны.

Среди парикмахеров встречались настоящие художники. Они обучались своему делу, начиная с мальчиков. Сначала подметали пол, подносили кипяток для бритья, присматривались, потом начинали учиться. Учились главным образом на нищих. Авторы книги «Из жизни Петербурга 1890-1910 годов» Д. А. Засосов и В. И. Пызин признаются, что неоднократно наблюдали следующую картину. Скромная парикмахерская, утренний час, посетителей нет. Входит нищий, просит милостыню. Хозяин кричит в заднюю комнату: «Федяйка, сюда!», а нищему говорит: «Мы тебя сейчас подстрижем, садись». Тот смущен, говорит с опаской, что он не за тем пришел, что у него нет денег. Ему объясняют, что денег не надо, а ему дадут копейку. После этого диалога Федяйка, будущий Теодор, начинает обрабатывать нищего по указаниям мастера. Ему голову обстригут под разные прически, ведь надо учиться всему. Такая машинка в неумелых руках дерет волосы, нищий кричит, его успокаивают: «Потерпи». Начинают его брить, подстригать бороду под «Генриха IV». Если порежут, сейчас же прижмут ватой с йодом. Если, по завершении процедур, нищий не узнавал себя, пытался выразить протест, его выпроваживали без подаяния.

В 70-е годы XIX века в СПб насчитывалось 195 парикмахерских, в Москве, в начале XX - около 400.